

С. С. ДМИТРИЕВ

**Подход должен быть
конкретно-исторический**

Часто раздавались в нашей дискуссии решительные суждения о чуть ли не полной, совершенной неизученности славянофильства. Тон таким суждениям задал А. Янов. По его мнению, в нашей науке славянофилов «принято считать уже много десятилетий» «исключительно махровыми крепостниками, ретроградами и охранителями»¹; принято отождествлять их позиции с официальной народностью; в его статье утверждается, будто бы «ни малейшей не было пробито бреши в этой жесткой позиции за целые десятилетия развития науки»². В итоге ему кажется, что «славянофильство, несмотря на десятилетия споров и лес сломанных копий, до сей поры остается белым пятном, “терра инкогнита” истории нашей общественной мысли»³. Главную загадку этого «белого пятна» А. Янов усмотрел в «загадке славянофильской критики».

Другой участник дискуссии, А. Иванов, оказался еще решительнее. Он прямо пишет: «Не только славянофильская критика, но и все славянофильство до сих пор остается загадкой, и нет единого мнения даже о том, как лучше подойти к ее решению»⁴. А устойчивые, ходячие представления будто бы лишь таковы: «Славянофилы — реакционеры, и только».

Перед нами обычное полемическое преувеличение, чтобы не сказать — упрощение. Славянофилами интересовались и интересуются, их изучали и, разумеется, будут еще и еще к ним обращаться. Иначе быть не могло и впредь быть не может. Слишком заметное и весомое место занимают славянофилы середины XIX века в истории русской культуры вообще, в истории общественной мысли, литературы, критики, журналистики — в частности.

Напомню главнейшие факты.

Крайне важны для изучения и понимания ранних славянофилов труды Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Перед нами не только существеннейшие исторические источники, оставленные современниками ранних славянофилов. Писания этих представителей революционной демократической идеологии, тогда относимых, как всем общественным мнением, так и собственным личным их сознанием, в целом к западническому направлению, хранят в себе немало глубоких, научно объективных наблюдений над ранним славянофильством.

Далее, только полемическим перехлестом можно объяснить забвение серьезных позднейших работ о славянофилах А. Пыпина, С. Венгерова, Н. Бродского; наконец, не раз и не два размышлял и писал о славянофилах Г. Плеханов.

В своем выступлении в дискуссии А. Дементьев правомерно назвал имена советских историков и литературоведов, много сделавших для научного изучения славянофильства, — С. Никитина, Н. Сладковича, С. Машинского и других; прибавлю, что не стоит забывать и книгу Н. Цаголова о русской экономической мысли эпохи падения крепостного права⁵ — книгу, где видное место отведено славянофилам. Уместно здесь вспомнить и содержательные работы самого А. Дементьева о «Москвитянине» и славянофильской журналистике⁶, где особое внимание отведено истории литературной критики, и труды М. Азадовского о славянофильской фольклористике⁷. Известная дискуссия 1940 года в Институте истории АН СССР по моему докладу «Славянофилы и славянофильство (Из истории русской общественной мысли середины XIX века)», в которой выступили пятнадцать человек, была весьма плодотворной⁸. Эта дискуссия выявила не только существовавшие среди ученых разногласия в понимании славянофильства, но и то, что такие крупные советские историки, как Н. Дружинин, М. Нечкина, Е. Мороховец, А. Шестаков, вместе с основным докладчиком, видели в ранних славянофилах не просто реакционеров, и только, а признавали наличие и весомую значительность в предреформенном славянофильстве прогрессивных для своего времени начал. Докладчик и большинство ораторов твердо отделяли раннее славянофильство от реакционной, господствовавшей в то время идеологии официальной народности.

Создав упрощенное представление о полной неизученности славянофильства, об односторонне-«черном» понимании славянофилов в советской литературе, А. Янов затем избирает позицию первооткрывателя позитивных ценностей взглядов славянофилов — социологических, идеально-политических, фи-

лософско-эстетических и литературно-критических. Такая позиция как полемический прием, очевидно, показалась ему удобной.

Но эта позиция не прочна и не обоснованна. Ранние славянофилы отнюдь уж не сплошная загадка, и почти никто, разве самые крайние архаисты, в наши дни не видит в славянофилах «реакционеров, и только». Одноким голосом прозвучала в нынешней дискуссии статья С. Покровского, который не видит в славянофилах проблемы; для него это «мнимая загадка», все давным-давно, по его мнению, установлено верно, крепко и точно. Научно-историческая несостоятельность этой статьи метко схвачена в выступлениях А. Иванова, Л. Фризмана, отчасти В. Кожинова. Потому мне кажется неприемлемым заявление А. Дементьева: «В общем, С. Покровский более или менее удачно... сформулировал точку зрения на славянофильство, распространенную в нашей науке»⁹. Во-первых, вряд ли удачно, Во-вторых, господствующей такая точка зрения едва ли является. Заявление это, видимо, продиктовано тем, что и для А. Дементьева никакой загадки славянофильской критики не существует. Для него, как и для С. Покровского, в славянофильстве нет никакой проблемы. А обращение к новому изучению источников, попытки иного прочтения источников кажутся ему почему-то непременно сознательной или бессознательной идеализацией славянофилов. Нельзя, однако, не заметить, что конкретный материал как этой статьи А. Дементьева, так и прежних его работ, касавшихся славянофилов, часто явно противоречит общим установкам этой его статьи.

* * *

Полной загадкой,— полагаю, что не только для меня,— подлинной «землей неведомой» разве что должно признать «славянофилов» времен давным-давно прошедших, времен от XI и до XVIII века включительно. Позвольте, изумится читатель, да были ли таковые? Посмотрим.

Справедливо указал В. Кожинов, что слово «славянофильство» в нашем литературном быту и языке давно иочно, по меньшей мере уже лет сто, употребляется в двух значениях. Во-первых, им обозначается вполне определенное, реально существовавшее направление русской общественной мысли, возникшее и признаваемое в 30—50-х годах XIX века самими современниками за особое направление.

Во-вторых, под славянофильством нередко понимают весьма разнородные, зачастую ничего общего между собою не имеющие проявления русской общественной мысли, которым в той или иной мере присуще было признание самобытности России, признание своеобразия культурно-исторического пути отечественного развития.

Такое расширительное пользование словом «славянофильство» имеет значительное распространение. К примеру, для П. Милюкова и для Г. Плеханова в его поздней «Истории русской общественной мысли» «славянофильство» и «западничество», духовное, культурно-историческое местоположение России между «Востоком» и «Западом» — понятия основополагающие в истолковании всей истории русской общественной мысли по крайней мере за последний ее трехсотлетний период от XVII века до нашего столетия. Князь Хворостинин, Котошихин, боярин Ордин-Нащокин — западники; Ю. Крижанич едва ли не первый славянофил. Для Петровской эпохи Посошков и Татищев объявлялись западниками, противники петровских дел — славянофилами. Для «екатеринина века» Болтин и Щербатов представлялись славянофилов. Не стоит множить примеры. Понятно, что «славянофильство» и «западничество» при таковом словоупотреблении стали в этом, втором случае чисто условными, спекулятивными понятиями, начисто лишенными и времененной (хронологической) и реальной социально-идейной исторической конкретности. Понятно, что, оставаясь на почве научной истории русской литературы и культуры вообще, лишь первое значение славянофильства следует считать подлинным, научно полноценным.

Редакция «Вопросов литературы», открывая дискуссию, прямо определила предмет научного обсуждения — литературно-эстетическая программа славянофильства 40—50-х годов XIX века, так называемого раннего славянофильства.

К сожалению, в ходе дискуссии не раз некоторые ее участники очень легко и без всякой пользы для дела отдалялись от названного предмета, пускались в «свободный полет», предпочитали «парить» и порхать по многим десятилетиям и даже столетиям.

Пустившись в «свободный полет», они, естественно, трактуют славянофильство крайне расширительно.

С такой расширительной трактовкой встречаемся в исходной статье А. Янова. Ухватясь за один из острых образов блестящей публицистики Герцена¹⁰, он ведет славянофильство «в значении оскорблennого национального чувства» со времени обретения

Петром первой бороды¹¹. И ведет вплоть до «последышей славянофильства», каковых усматривает чуть ли не в черной сотне кануна победы революции в России¹².

Любопытно, что во многом дельно критикующий построения А. Янова В. Кожинов сам проявляет широкую снисходительность к только что указанному расширительному словоупотреблению. По его суждению, «если под славянофильством в широком смысле иметь в виду общую идею самобытности, А. Янов прав»¹³. И даже, если поверить В. Кожинову, А. Янов мог бы предстать перед читателями еще более правым, когда бы «не весьма сузил исторические рамки развития этой идеи». Мы-то убеждены, что А. Янов напрасно ушел с четко очерченной исследовательской исторической площадки 40—50-х годов прошлого века и без оснований и нужды удалился и в XVII—XVIII века, и в начало XX века. Но В. Кожинову и площадка от XVII до XX века мчится суженой, тесной. Оперируя таким фантомом, как «общая идея самобытности», он считает возможным усматривать «славянофильство в широком смысле» (ох, уж этот широкий смысл!), ни мало ни много как — с одной стороны — уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона XI века, с другой — в некоторых современных группировках эмиграции, восходящих к «сменовеховцам», «евразийцам», «младороссам» 20—30-х годов XX века. Итак, тысячелетнее славянофильство, от XI до XX века включительно! Но если не предаваться прелестям «свободного полета», а вернуться на родную землю фактов, то нужно признать, что такого славянофильства никогда не существовало.

Впрочем, ничего не стоит его сконструировать при помощи «общей идеи самобытности». А что «общая идея самобытности» лишь фантом, нетрудно убедиться, читая рассуждения автора насчет того, будто идея самобытности сама по себе не имеет определенной политической окраски, что самобытники (носители таковой «общей идеи») могли быть и аристократами и демократами, и религиозными людьми и атеистами, и сторонниками революции и людьми, стоявшими «в принципе против всяких революций».

Склонность к легкому обращению с хронологией, к произвольному сближению конкретных идеологических явлений разных десятилетий и даже столетий путем абстрактного сопоставления этих разных явлений проявляется также и в выступлениях таких авторов, как С. Покровский и А. Иванов, — авторов совершенно различных между собой по их общему подходу к славянофильству.

Наша дискуссия может быть научной только при условии, если ее участники будут пользоваться точной терминологией.

В противном случае в славянофильстве 40—50-х годов XIX века можно усматривать все что угодно. Да и не только в славянофильстве, а в любом направлении общественной мысли, в мировоззрении любого писателя или исторического деятеля.

* * *

Почти все участники дискуссии предлагают свое общее понимание славянофильства. При этом некоторые, как мы видели, склонны разуметь под славянофильством нечто весьма широкое и малоопределенное.

В общем понимании славянофильства середины XIX века, в общем подходе к нему наметились две линии.

Одна представлена в статье А. Янова и в целом поддержаны Л. Фризманом, В. Кожиновым, А. Ивановым. Авторы этих выступлений во многом расходятся с положениями А. Янова, порой вносят очень существенные поправки и уточнения в его концепцию славянофильства, предлагают свои решения. Но при всем том они благожелательно относятся к настойчивому желанию автора исходной статьи показать позитивные идеи, прогрессивные для своего времени элементы славянофильства. Сами они проявляют такое же желание, считая его научно плодотворным, так как, по их мнению, в нашей литературе не только преобладает, но прямо-таки имеет как бы монополистический характер «антиславянофильская» традиция (выражение одного из участников дискуссии).

Кстати замечу, что в поступательном ходе развития русской общественной мысли, критики и историографии за столетие, отделяющее нас от эпохи падения крепостного права в России, действительно наблюдался недостаточный интерес к славянофильству, нередко холодно-недоброжелательное, а чаще поверхностно-критиканское к нему отношение — что, мол, о нем много, тем паче серьезно говорить? Славянофилы — ретрограды ведомые, люди отсталые.

Для подобного отношения были, нужно заметить, и некоторые объективные предпосылки. Из двух Аяков, из двух параллельно сосуществовавших группировок друзей-противников (западников и славянофилов), конечно, в 40—50-х годах XIX века именно западники были ведущими. Никак не приходится забывать и то общеизвестное в их время отнесение к западникам, к западническому направлению таких зачинателей рево-

люционно-демократической идеологии в России, как Белинский и Герцен в 40-х, Чернышевский и Добролюбов в 50-х годах. Славянофилы, и даже самые яркие из них — А. Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков, Ю. Самарин, — не были тогда «властителями дум» молодежи, да и позже таковыми не стали. Белинский, Герцен, Чернышевский, а с ними рядом и Грановский (что, конечно, не позволяет нам упускать из виду существенное отличие его социально-политических воззрений от формировавшейся революционно-демократической идеологии) стояли тогда во главе русской общественной мысли. Оно и понятно, передовая молодежь и тогда, и тем более в десятилетия развития капитализма в России после 1801 года, шла, как и передовая общественная мысль, литература, критика и журналистика, в фарватере освободительного движения; славянофилы же принципиально пребывали вне его, противостояли самой идее революции.

Хотя и нельзя иначе, как в состоянии полемической запальчивости, заявить, будто славянофильство — белое пятно на карте, все-таки нельзя не признать, что оно относительно менее изучено, нежели, к примеру, западничество. А такое положение, прибавлю, несомненно, не соответствует достаточно глубокоому и научно добродотному изучению и самих западников.

В свете сказанного следует поддержать настойчивое стремление представителей только что характеризованной линии к изучению славянофилов. Они действительно нуждаются в изучении и вполне его заслуживают. Внутренний пафос статьи А. Янова понятен, постижим и, я бы сказал, полезен.

Содержательно выступление в дискуссии Б. Егорова, который как будто бы совсем не испытывает настойчивого желания обратиться преимущественно именно к позитивным, относительно прогрессивным идеям и элементам славянофильства, но при этом все же признает славянофильство «проблемой, которую необходимо решить»¹⁴. В то же время он высказал несогласие с рядом положений А. Янова: Б. Егорову кажется, что концепции славянофилов «объективно не только не расшатывали самодержавно-крепостнический режим, а, наоборот — содействовали его сохранению»¹⁵.

Другая линия, наметившаяся в дискуссии, воплощена в критических откликах на статью А. Янова, с которыми выступили С. Покровский и А. Дементьев. Первый считает идеологию славянофильства, место и значение этого направления в истории русской общественной мысли совершенно и давно ясными. Ясность эта для него вполне обеспечивается признанием славяно-

фильства «одной из разновидностей помещичьей, дворянской идеологии периода кризиса крепостного строя»¹⁶. Славянофильство родилось, по его мнению, «в накаленной атмосфере», созданной революцией 1848 года (как так, спросит иной читатель, теперь-то ведь вроде все согласны в том, что впервые как система славянофильство выступило в 1839 году?), родилось в среде панически испуганных революцией крепостников. В такой обстановке славянофилы хотели «спасти самодержавную власть царя, а также доходы и власть помещиков путем отказа от крепостного состояния крестьян, устранения пропасти между верхними классами и народом», наконец, «возврата на путь, которым шла допетровская Россия»¹⁷. Так-так, заметит иной читатель, да ведь этот путь, по которому допетровская-то Россия шла, именно и привел к Петру и его реформам... Но нет смысла входить в рассмотрение фактической стороны истории славянофилов,— она автора приведенных представлений мало, видимо, интересует и еще менее связывает. А. Янов, согласно С. Покровскому, «не приемлет характеристики славянофилов как ретроградов и охранителей»¹⁸, он видит в славянофильстве сложную проблему. С. Покровский же считает, «что здесь никакой проблемы нет» и «пересматривать характеристику славянофильства как реакционного течения нет оснований»¹⁹.

В своем понимании славянофильства А. Дементьев солидаризируется в целом с только что изложенной характеристикой.

Полагаю, что общие позиции сторонников этой второй линии не могут способствовать развертыванию в ближайшее время исследовательской работы по изучению раннего славянофильства, а вместе с тем и вообще русской общественной мысли, литературы, критики и журналистики 40—50-х годов XIX века.

* * *

Некоторые участники дискуссии пытаются раскрыть смысл, внутреннюю суть славянофильства. Попытки эти, по-моему, довольно неубедительны, они обставлены подходящими к случаю тремя-четырьмя цитатами (найти нужные для любой потребы — но столь уж трудное занятие) или простыми аналогиями.

Так, А. Янов усмотрел суть славянофильства в обожествлении народа, в одержимости ранних славянофилов народобожием. Так, В. Кожинов увидел суть славянофильства в «самобытничестве», в «общей идее самобытности» (об идеалистически-иллюзорной наполненности этой идеи у него я уже писал).

Поклонение народу (не входя в серьезное рассмотрение того, что реально под народом славянофилы разумели, как истолковывали они душу и характер этого народа) представляется одному уже само по себе достаточным свидетельством демократизма славянофилов. Другому абстрактно взятая идея самобытности таким же образом способна уже как бы априорно служить апологией славянофилов.

Нечетко, к сожалению, в ходе дискуссии ставится и освещается вопрос о, так сказать, национальной специфике, национальном духе славянофильства. В исходной статье А. Янова принципиально разнородные понятия «национальное самосознание» и «национализм» местами употребляются как тавтологические, взаимозаменяемые. Справедливо обратил на это внимание А. Дементьев, напомнив, что «национальная и националистическая идеология — это не одно и то же»²⁰.

Но А. Дементьеву представляется очевидным, что славянофильство (какое? вообще? или реальное раннее славянофильство, то есть направление 40—50-х годов XIX века, о котором призывала подумать редакция «Вопросов литературы»?), как и официальная народность, — всего лишь разновидности националистической идеологии. Между тем, замечу, национализм до-реформенного славянофильства никем и нигде еще не доказан. И в данном частном вопросе, но вопросе весьма существенном для общей оценки идеологии ранних славянофилов, В. Кожинов верно заметил, что винить этих славянофилов (славянофилов до 1861 года) в национализме («то есть... в утверждении безусловного, имманентного превосходства русской нации над другими») не приходится.

Что же за причины вызывают к жизни подобные явно субъективистские попытки установления внутренней сущности, смысла славянофильства? Что за причины бытования столь сильно различных между собой двух линий в общем понимании славянофильства?

Попробую уяснить их хотя бы в общих чертах. Почти все авторы, выступившие в дискуссии, при больших расхождениях во мнениях друг с другом (подчеркну — авторы, придерживающиеся как той, так и другой позиции в общем понимании славянофильства) исходят, однако, из одной молчаливо признаваемой ими презумпции.

То или другое направление, течение общественной мысли (в данном случае славянофильство 40—50-х годов XIX века) мыслятся ими как нечто целое, имманентно-единое, монистическое, гармонически-органическое идейное единство, как система

внутренне уравновешенная, сбалансированная в ее целом, во всех ее частях и частностях. Именно исходя из такого предположения (не суть важно — осознанно или бессознательно), они и выискивают *единое начало всех начал*, основополагающую становую идею, квинтэссенцию, душу интересующего их направления. И притом полагают, что все другие идеи, встречающиеся в обороте, в идейном багаже этого направления, непременно находятся промеж собою, так сказать, в строгой субординации, в иерархически-стройном соподчинении по отношению к единому началу всех начал.

Действительно, история знает и имманентно-цельные, монистические системы, направления, течения. Но есть немало систем, направлений, теорий, концепций, мировоззрений *внутренне противоречивых*, далеко не монистических, вовсе не гармонических и никак не сводимых в каждом отдельном случае к какому-либо единому началу. В них сосуществовали в идеологическом и логическом противоречии друг с другом, но в живом, реально-историческом событии, соединстве *разные начала* (не одно, а, как правило, два, а то и более).

Русское раннее (до 1861 года) славянофильство — одно из таких направлений. Нравится нам или нет, но так это было. Именно так обстояло дело в исторической действительности России эпохи падения крепостного права.

Славянофильство 30—50-х годов XIX века — направление очень сложное, во многом внутренне противоречивое. Замечу, что такое его понимание было высказано и подробно обосновано мною в печати еще в 1941 году (*Историк-марксист*. 1941. № 1. С. 90, 96). Раннее славянофильство противоречиво, оно лишено монолитности, в нем пребывают в живом, подвижном, внутренне противоречивом сцеплении, сплаве начала прогрессивные (в конечном итоге связанные с либерально-буржуазными устремлениями некоторой, не очень-то большой части дворянства того времени) и начала политически и идейно консервативные, даже объективно в реальной расстановке сил в общественной борьбе того времени реакционные.

О внутренней противоречивости славянофильства давно писали такие внимательнейшие его наблюдатели и знатоки, как Белинский, Герцен, Чернышевский. Можно целые страницы заполнить соответствующими цитатами из их выступлений в печати тогда же в 40—50-х годах XIX века, в печати подцензурной и вольной (Герцен), в дневниках, в эпистолярном наследстве. Елико возможно избегал я в настоящей статье употребления цитат. От одной никак не удержаться, так она метка,

разительна. Не стесняясь в выражении мысли и чувств, в частном письме Чернышевский писал А. С. Зеленому в июне 1857 года о «нелепости славянофильства», которую «можно оценить вполне только когда говоришь с его последователями, свободно, не стесняясь цензурою. Боже праведный, какие несовместимые с здравым умом мысли соединяются в их головах! Об ином они говорят так, что одна фраза кажется заимствованной из Прудона, а другая, за нею непосредственно следующая, из жития Симеона Столпника, о другом так, что одна мысль — из Белинского, другая — из Булгарина. Это народ странный!» *

Почти все авторы, сказал я, выступавшие в нашей дискуссии, исходят из презумпции имманентного единства, монистичности, идеино-целостной монолитности славянофильства. Исключение — Л. Фризман. Призываая подходить к изучению славянофильства «с научной объективностью», он утверждает и на многих фактах доказывает противоречивость славянофильства, наличие в этом направлении разных начал, разных тенденций, из которых одни были явно консервативными, другие, несомненно, относительно прогрессивными в исторической обстановке эпохи кануна падения крепостного права в России. Можно согласиться с таким его суждением: «Каждый, кто не видит реальной связи и взаимообусловленности противоположных начал в славянофильстве, подменяет материалистическую диалектику прудоновским “догматическим различием хорошего и дурного”» ...²¹ Хочется вместе с автором этого суждения положительно ответить на его же вопрос: «Можно ли ждать, что наша наука распростится на веки вечные с этим “догматическим различием хорошего и дурного” и найдет иной, диалектический, единственno плодотворный путь изучения славянофильства?» Да, можно ждать, безусловно. В статье Б. Егорова Л. Фризман усматривает пути к правильному подходу к славянофильству, понимание противоречивости, противоположности начал, заключенных в этом направлении. Верным представляется призыв Л. Фризмана: «Нам не нужны ни апологетика славянофильства, ни его третирование. Нам нужно изучение славянофильства как системы взглядов, все элементы которой взаимосвязаны и взаимоопределены»²². Со своей стороны добавлю лишь для полного уяснения дела, как оно мне представляется, что славянофильская система состояла из противоположных, внутренне разноречивых начал.

* Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XIV. М.: Гослитиздат, 1949. С. 347.

Глубинные причины бытования, живучести двух линий в общем понимании славянофильства находятся, с одной стороны, в самой противоречивости этого направления, с другой — в очевидно несостоятельных попытках «выпрямления», «упрощения» этого весьма сложного явления, о чём уже шла речь.

* * *

Потому, что дискуссия в большей мере пошла по пути оценки славянофильства в целом, собственно литературно-критические позиции славянофилов, их эстетическая (и прежде всего, конечно, литературно-эстетическая) программа оказались недостаточно полно затронутыми.

Литературное наследство славянофилов велико. Но если сочинения Хомякова, И. Киреевского, К. и И. Аксаковых, Самарина издавались (хотя и далеко не полные), то весьма важные для исследования литературно-эстетических позиций славянофильства работы Ф. Чижова, Ап. Григорьева, М. Стаковича, Б. Алмазова мало известны иным исследователям.

Характерно, что в ходе дискуссии очень немногие произведения славянофилов были привлечены ее участниками. Более всего повезло двум-трем произведениям К. Аксакова («Опыт синонимов. Публика — народ», записка «О внутреннем состоянии России»), одной статье Ю. Самарина («О мнениях “Современника” исторических и литературных»), да еще статье А. И-Ца «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе». Кстати, довольно широко оперируя последней статьей, А. Янов почему-то не раскрыл читателям псевдонима: автор этой статьи ведь почти уже восемьдесят лет как стал известен, это — А. М. Иванцов-Платонов (1835—1894), фигура немаловажная.

Изучение литературно-эстетической программы славянофилов, их литературной критики может быть плодотворным только при достаточном внимании к общей эстетике славянофильства. Совсем в стороне, к сожалению, оставлены многочисленные высказывания славянофилов по общим проблемам эстетики, имеющиеся, например, в статьях Ф. Чижова²³ по изобразительному искусству (о работах русских художников в Риме, о картине Брюллова «Последний день Помпеи», письма к художнику А. А. Иванову, огромная статья о Джованни Анжелико Фиезолийском), М. Стаковича по истории русской народной музыки²⁴. Эстетические проблемы живописи, архитектуры, музыки в конкретном раскрытии их названными авторами

славянофильского толка помогли бы воссозданию интересующей нас литературно-эстетической программы ранних славянофилов.

Особенно жаль, что богатое литературное наследие А. Хомякова привлечено крайне мало. А ведь Хомяков — это, можно сказать, славянофил № 1. Ведь именно Хомяков в статье «Опера Глинки “Жизнь за царя”» дал впервые самую кардинальную формулу всей славянофильской эстетики: «Нет человечески-истинного без истинно-народного!»²⁵ Он же в статье «О возможности русской художественной школы» развивал такие мысли (и это когда! в 1847 году): «Не из ума одного возникает искусство. Оно не есть произведение одинокой личности и ее эгоистической рассудочности. В нем сосредоточивается и выражается полнота человеческой жизни с ее просвещением, волею и верованием. Художник не творит собственною своею силою: духовная сила народа творит в художнике. Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не может не быть народным» *. Очень были бы нужны для всестороннего рассмотрения литературно-эстетической программы и литературной критики ранних славянофилов также речи и выступления Хомякова в Обществе любителей российской словесности, где он председательствовал в 1858—1860 годах. Напомню, что большая часть этих «Речей» была тогда же не только произнесена, но и опубликована (Русская беседа. 1860. Кн. 1), то есть стала органической частью тогдашней литературной жизни.

Если вспомнить, что Ап. Григорьев, как и почвенничество в целом, в литературно-идейной борьбе 50-х годов XIX века для современников являлись разновидностью славянофильского направления, то следует посетовать и на то, что литературно-эстетическое наследие этого интереснейшего русского критика тоже в общем и целом осталось почти целиком вне дискуссии. Один только А. Иванов обратился более или менее обстоятельно к Григорьеву. Между тем именно Григорьеву принадлежал термин «органическая критика» и именно Хомякова он считал главным представителем и носителем этой «органической критики» (Эпоха. 1864. Май. Статья Григорьева «Парадоксы органической критики»). Известно, наконец, что никому иному, как Григорьеву, довелось выдвинуть формулу-требование «демократизма искусства» (Эпоха. 1864. Январь и февраль. Статья Григорьева «Русский театр. По возобновлении в первый раз»).

* Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 1. С. 75.

* * *

Дискуссия о ранних славянофилах и их литературно-эстетической программе и критике, несомненно, будет полезной для научной разработки русской общественной мысли, литературы и критики эпохи падения крепостного права.

Просчеты и передержки, произвольные построения, непроработанные аналогии, намеренное сгущение красок, которые проявились в дискуссии на первых порах, сами по себе, думаю, станут весьма поучительны, — конечно, для тех, о которых сказано «имеющие уши да слышат».

Очень убедительно покалывает дискуссия, что история славянофильства, да и западничества 30—50-х годов XIX века должна изучаться. И изучаться она должна — воспользовавшись словами Л. Фризмана — «с научной объективностью».

Сомневаюсь в том, что славянофильство является проблемой, которую можно рассчитывать решить раз и навсегда. И решив тем самым, так сказать, закрыть, сдать как решенную для хранения навечно в архив истории науки. В научной жизни так не бывает. Но решать ее исследовательски, решать по частям и в целом, аргументирование и объективно действительно необходимо, как верно сказал Б. Егоров.

Самое нежелательное было бы поддаться самоуспокоенности, убаюкивающему известию, будто «на Шипке все спокойно», будто в славянофильстве «никакой проблемы нет», как утверждает С. Покровский²⁶.

Если идеализация славянофилов может принести вред, на что справедливо и указал А. Дементьев, то не меньший вред и застой принес бы отказ от дальнейшего деятельного изучения славянофильства с позиций марксистской научной методологии.

